

ГЕНИИ ВЛАСТИ

ВЕЛИКИЙ АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

НАТАЛИЯ
ПРОНИНА

«СТОЯТЬ БУДЕТ
РУССКАЯ ЗЕМЛЯ!»

Наталья М. Пронина

Великий Александр Невский.

«Стоять будет Русская Земля!»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6700341

Наталья Пронина. Великий Александр Невский. «Стоять будет Русская Земля!»: Эксмо, Яуза; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-71025-6

Аннотация

«Кто с мечом к нам придет – от меча и погибнет. На том стояла и стоять будет Русская Земля!» – так говорил АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ. Именно за это его люто ненавидят все враги России – за разгром европейских захватчиков на Неве и в Ледовом побоище, за победы над Западом, за исторический выбор в пользу Востока. В чем только не пытаются обвинять Александра Святого – и в «коллорабационизме», и в том, что он якобы «навел Орду на Русь», и в «предательстве родного брата ради союза с Батыем». Но всё это – бесстыжая клевета и грязная ложь! Опровергая самые злобные наветы и мифы об Александре Ярославиче, проанализировав его политику в контексте его переломной эпохи и разгадывая тайну его трагической смерти, эта книга доказывает: Александр Невский был не только великим полководцем, но и ГЕНИЕМ ВЛАСТИ, а его безошибочный исторический выбор

спас Русь от гибели и подарил Русскому народу великое будущее!

Содержание

К истории вопроса	5
Глава I. Drang nach Osten	19
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Наталья Пронина Великий Александр Невский. «Стоять будет Русская Земля!»

Русскому офицеру Виктору Овчарову с благодарностью посвящает автор эту работу

К истории вопроса

Не в силе Бог, а в правде!

Александр Невский, новгородская первая летопись

Небезызвестный ректор РГГУ Ю.Н. Афанасьев не так давно заявил, что Святой благоверный князь Александр Невский фактически является первым русским «коллорабационистом», исключительно ради удовлетворения собственных политических амбиций предавшим интересы Руси¹. Именно Александр Невский, считает историк, впервые «попрал русскую свободу», вступив на путь позорного под-

¹ Афанасьев Ю.Н. Радиостанция «Эхо Москвы». Интервью 09.11.2003 г.; Афанасьев Ю.Н. Время невыносимой сверхполи-тизации заканчивается. / Беседу велла Е. Каштанова. // Родина. 1991. № 4. Стр. 8 – 10

чинения азиатским завоевателям. Отвергнув помощь Запада в борьбе с нашествием орд Батыя, именно он, более всех прочих русских князей, оказался виновен в последующем оформлении почти двухсотлетнего татарского ига над Россией. Причем данное высказывание российского либерала, по известной традиции (традиции многовековой рабской зависимости российских «просвещенных» авторов от идейной установки с Запада), самым теснейшим образом совпало с точкой зрения современного английского исследователя Джона Феннела, который в опубликованной в 1989 году в России книге «Кризис средневековой Руси» также крайне одиозно рассматривает деятельность Александра Невского, доказывая, что политика этого русского князя в отношениях с монголо-татарами была именно предательской. Что в 1252 году Невский совершил преступление, помешав своим родным братьям, Андрею и Ярославу, поднять восстание против татар, тем самым якобы положив «конец действительному сопротивлению русских князей Золотой орде на многие годы вперед». И что, следовательно, «требуется беспредельная щедрость сердца, чтобы назвать его политику самоотверженной»².

С готовностью как бы развивая и конкретизируя мысль о «Невском – предателе», пытаюсь «объяснить» позицию князя, Юрий Афанасьев говорит также о существовании уже в те времена (середина XIII века!) «глубочайшего различия меж-

² Феннел Дж. Кризис средневековой Руси 1200–1304. М., 1989. Стр. 163.

ду галицкими и московскими князьями». Ибо если, по мнению историка, московские правители были лишь подлыми и коварными деспотами, которые, выступая на стороне татар, угнетали свой народ еще хуже, чем любые захватчики, то князья Галицкие – т. е. князья Юго-Западной Руси – это совсем другое дело. Почти идеальным рыцарем здесь якобы выступает современник-антипод Александра Невского – князь Даниил Романович Галицкий. Правитель, не только не отказавшийся от предложений западной помощи, но, напротив, даже принявший корону из рук римского понтифика и именно в союзе с европейскими государями пытавшийся противостоять огненному напору кочевников. Иными словами, неискушенному читателю автор прозрачно намекает: вот какой блестящий был прецедент! Вот по какому пути следовало тогда пойти в с е й Руси. По пути сближения с западной цивилизацией, принятия тех «общечеловеческих» ценностей, которые наверняка избавили бы нас и от азиатской деспотии, и от прочих бед... Сама история России сложилась бы совсем по-другому, не исковеркай ее своим ошибочным выбором Александр Невский. Правда, о дальнейших исторических судьбах непосредственно Галицко-Волынской Руси господин ректор предпочитает уже не говорить. И это понятно. Ведь тогда волей-неволей пришлось бы вспомнить о том, чем обернулась та первая попытка «дружественного сближения с Европой» для юго-западных земель гибнущей Киевской державы. А обернется она настоящей трагедией.

Пройдет лишь немногим более 80 лет после смерти Даниила Романовича, как детище князя – «королевство Русьское» – в 1349 году разделят между собой Польша и Литва. Отныне в течение пяти столетий на Галичине и Волыни будут беспредельно хозяйничать поляки, венгры, немцы, с методичной жестокостью вытравляя из народа его собственную историческую память и Веру. Древнее государственное единство и суверенитет этих земель впервые возродятся в полном объеме только в XX веке, в составе Украинской Советской Социалистической Республики при красном диктаторе Сталине.

Но, повторим, обо всех этих довольно общеизвестных фактах Ю.Н. Афанасьев вспоминать не желает. И сие тоже объяснимо. Ведь для него, почти полузабытого ныне «глашатая демократии» эпохи перестройки, бросившего не один «разоблачительный» камень в наше прошлое, подлинная историческая реальность объектом научных интересов никогда не была. Ранее ревностно служа марксистско-ленинской идеологии, он потом с неменьшим рвением взялся ее критиковать. Уже это прямо свидетельствует, чего в действительности стоят «изыскания» «специалиста-историка» подобного рода. На такие мелочные потуги, лишённые даже тени научной объективности, не хотелось бы обращать внимания, столь они мизерны. Однако и пройти мимо – является преступлением. Ибо высказывание «Александр Невский – предатель-коллаборационист» – это не просто гипотеза, предложенная Юрием Афанасьевым в порядке научного обсуж-

дения. Это – точка зрения, которую автор ничтоже сумняшея считает необходимым ввести, сделать доминирующей в школьных и вузовских учебниках, навязать как общепринятое мнение многомиллионной теле– и радиоаудитории. А значит, это не что иное, как еще один подрывной выпад информационной войны против России. Войны, ядовитым острием направленной, прежде всего, на разрушение национального самосознания русских людей, на уничтожение нашего духовного иммунитета.

В своих предыдущих публикациях мы уже неоднократно подчеркивали катастрофические результаты этой войны. Когда под воздействием всеобъемлющей критики русский народ вынуждали отказываться от собственных нравственных и политических ориентиров, тем самым парализуя его волю к государственной самозащите. Так произошло в 1917 году. Почти с точностью повторилось в 1991-м. И с новой силой разворачивается в наши дни, когда под видом «более объективного подхода» и «преодоления мифологизированного сознания» предпринимаются шаги к развенчанию даже самых выдающихся, общепризнанных национальных героев России. Главной конечной целью указанных действий является, разумеется, не поиск исторической истины. Главная задача нового наступления информационной войны против нашего Отечества состоит в том, чтобы уже окончательно растоптать, опорочить весь исторический путь России и, таким образом, заставить ее все-таки принять западные «об-

щечеловеческие» ценности. Заставить Россию подчиниться «демократии по американскому образцу». Втянуть нашу страну в удушающую воронку глобализации, или, как писал еще в XIX веке русский философ К.Н. Леонтьев, «гибельного всемирного всесмешания».

Следовательно, только хорошо зная и умея защитить свое прошлое, мы найдем силы защитить будущее своей страны. Точно так же, как и теперь, сквозь неодолимую грань столетий по-прежнему СВЕТЯТ, ЗАЩИЩАЮТ, ПРЕДОСТЕРЕГАЮТ нас бессмертные лики наших святых, наших мучеников, наших князей-воителей, всегда, во все века смирявшихся перед Богом, но никогда не уступавших врагам земли Русской. Личный ратный и державный подвиг великого князя Александра Ярославича Невского в этом отношении особенно значим. А потому к грязным упрекам в его адрес необходимо прислушаться с особенным вниманием. Прислушаться и разобраться. И тогда сама собой бессильно падет темная пелена. Сама собой обнажится вся лживая, русофобская сущность мифа о князе-коллаборационисте, якобы вступившем в предательский сговор с Батыем...

Правда, положение здесь усугубляется тем, что, проникнутая «прогрессивными» идеями либерализма, классическая российская историография о Невском почти молчит. (Равно как, подобострастно оглядываясь на Запад, избегала она писать и о других выдающихся деятелях нашего прошлого.) Например, крупнейший историк, работавший в кон-

це XIX – начале XX века В.О. Ключевский в своем фундаментальном «Курсе русской истории» отвел прославленному князю всего несколько строк³. Гораздо пространнее был С.М. Соловьев. В многотомной «Истории России с древнейших времен», изложив обстоятельства знаменитого Ледового побоища, автор затем сухо сообщает: покончив с агрессией крестоносцев, Александр Невский действительно отверг предложенную папой римским помощь в борьбе с монголо-татарским нашествием. Более того, став Великим князем Киевским, Александр Ярославич неоднократно ездил «на поклон» к Батю и даже брал у него войска для подавления восстания, которое будто бы поднял против татар родной брат Александра – Андрей Ярославич⁴. Однако вместе с тем исследователь совершенно не объясняет, а какие же, конкретно, «предложения помощи» поступили тогда на Русь? Была ли эта предполагаемая «помощь» хоть сколько-нибудь реальной? И, самое главное, что в действительности заставило великого русского полководца сделать именно тот единственно возможный и единственно спасительный выбор, который он и сделал, склонив свою голову перед Батыем?

К сожалению, кратко, в сжатом биографическом очерке об Александре Невском, попытался четко ответить на эти

³ Ключевский В.О. Курс русской истории. Том. 1. М., 1937.

⁴ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Книга 2. М., 1960. Стр. 165.

вопросы только Н.И. Костомаров. «XIII век, – в первую очередь указывал историк, – был периодом самого ужасного потрясения для Руси. С востока на нее нахлынули монголы. С северо-запада угрожало немецкое племя под знаменем западного католичества. Задачей политического деятеля того времени было поставить Русь по возможности в такие отношения к разным врагам, при которых она могла *удержать свое существование*. Человек, который принял на себя эту задачу и положил твердое основание на будущие времена дальнейшему исполнению этой задачи, по справедливости... был князь Александр Ярославич Невский»⁵.

И еще одному русскому исследователю удалось с особенной глубиной постичь образ и главный смысл деятельности этого князя. Постичь, хоть и работая уже далеко от России, уже в эмиграции, после трагического обвала 1917 года... В 1925 году в Берлине была впервые опубликована небольшая, но очень емкая по содержанию статья известного публициста и историка Русского зарубежья Г.В. Вернадского «Два подвига св. Александра Невского». Отталкиваясь от обвинений «в чрезмерной осторожности по отношению к татарам», которая якобы была свойственна Невскому⁶, автор подчеркивает: в сложившихся тогда исторических условиях «Русь

⁵ Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн.1. Выпуск 1, 2, 3. М., 1990. Стр. 153.

⁶ Обвинений, которые были высказаны известным клеветником на Россию маркизом де Кюстином.

могла погибнуть между двух огней в героической борьбе одновременно на два фронта. Предстояло выбирать между Востоком и Западом. Двое сильнейших русских князей того времени сделали выбор по-разному. Даниил Галицкий выбрал Запад и с его помощью попытался вести борьбу против Востока. Александр Невский выбрал Восток и под его защитой решил отбиваться от Запада».

Таким образом, политический выбор Александра Ярославича был обусловлен не «трусостью», как писал когда-то маркиз де Кюстин, и не «деспотической психологией» русского князя, как тщится утверждать ныне Ю.Н. Афанасьев. Политический выбор Невского, доказывает Г.В. Вернадский, прежде всего основывался на очень точном знании князем современной ему международной обстановки и не менее точной, трезвой оценке своих собственных сил. Но и не только.

Главным, что определило выбор Невского, было глубочайшее осознание князем корневой страшной сути агрессии с Запада. Осознание того, что походы крестоносцев против Руси – это не просто межгосударственный конфликт, но война Церквей, или, как сказали бы теперь, война идеологий. Война католического Рима против православия – основного духовного оплота русского народа, живительного стержня его национального самосознания и культуры. Лишившись этого стержня, знал князь, Русь навсегда уйдет в историческое небытие. Точно так же, как наверняка знал он и другое.

Знал, например, о том, пишет Г.В. Вернадский, что «основным принципом Монгольской державы была именно широкая веротерпимость, или даже более – покровительство всем религиям. Первые монгольские ханы, которые создали мировую монгольскую империю, состояли преимущественно из буддистов и христиан (несториан). Именно отсюда происходит то принципиально сочувственное отношение ко всякой религиозно-церковной организации, которое составляет такую характерную черту монгольской политики и которое удержалось потом в значительной степени даже в мусульманской Золотой Орде... Гениальным чутьем Александр понял, что в его историческую эпоху основная опасность для православия грозит именно с Запада, а не с Востока, от латинства, а не от монгольства. *Монголы несли рабство телу, а не душе. Латинство грозило исказить самую душу*»⁷. Или, говоря другими словами, восточные завоеватели хотя и пленили государство Русь политически, но не уничтожали его национально-религиозной самобытности.

Между тем, согласно православному вероучению, «подвиг власти может заключаться в том, чтобы достойно отстаивать внешнюю независимость и величие сана – отстаивать даже до смерти. Но подвиг власти может состоять также и в том, чтобы, выполняя основные задачи сана, защищая «благочестие и люди своя», внутренне преодолевать, когда

⁷ Вернадский Г. Два подвига св. Александра Невского. – Евразийский сборник. Том 4. Берлин, 1925. Стр. 227, 335.

это нужно для исполнения основной задачи, земное тщеславие власти». И как человек, получивший прекрасное богословское образование, а главное, глубоко верующий, великий полководец Александр Невский действительно, когда стало необходимо, нашел в своей душе силы поступиться этим «земным тщеславием власти». Временно поступиться государственным суверенитетом Руси в пользу монголо-татарских завоевателей – РАДИ СОХРАНЕНИЯ религиозной свободы. Ради сохранения православия как нравственно-политической силы русского народа. Силы, которая и стала в будущем основой его державного возрождения. Созидание «Русского православного царства совершилось на почве, уготованной Александром...»⁸

Такова была точка зрения Г. В. Вернадского, который считал, что именно двумя своими подвигами спас князь Александр Невский Россию в XIII веке: подвигом борьбы с Западом и подвигом смирения перед Востоком⁹. Точка зрения, повторим, с наибольшей остротой и достоверностью высвечивающая подлинный образ Александра Ярославича Невского, абсолютно справедливо причисленного Русской православной церковью к лику Святых.

⁸ Там же.

⁹ Необходимо добавить, что эта точка зрения почти полностью совпадала с мнением еще одного русского историка-эмигранта, Н.А. Клепинина, в 1927 году в Париже также опубликовавшего достаточно глубокий очерк об Александре Невском, который мы цитируем ниже по современному изданию: Клепинин Н.А. Святой благоверный и великий князь Александр Невский. СПб., 2004.

Разумеется, для советской марксистско-ленинской историографии подобная трактовка изначально оказалась неприемлемой. И если большинство дореволюционных отечественных исследователей негласно и «дипломатично» всего лишь избегали писать о Невском, то в советской исторической литературе (особенно на раннем этапе ее развития) дело обстояло совсем иначе. Факт канонизации князя вызывал теперь уже о т к р ы т у ю неприязнь. А обязательный «классовый подход» напрочь заменил историческую реальность. В подавляющей массе работ того времени (20—30-е годы XX века, не забудем – годы самой ожесточенной борьбы с религией!) авторами всячески тиражировался исключительно «образ» «Невского-предателя», «прислужника попов», который «ценой народной крови» «купил себе в Орде ярлык на великое княжение» и «выхлопотал льготы для церкви». Особенно постарался в этом отношении секретарь ЦК ВКП(Б) Е.М. Ярославский (Миней Губельман), редактируя известный журнал «Безбожник».

Только возникшая к началу 40-х годов угроза еще одного германского нашествия, а затем и жертвенный огонь Великой Отечественной войны помогли очистить, с новой силой высветить в сознании русских людей память о великом государе-ратоборце. Выпущенный тогда же художественный фильм «Александр Невский» стал поистине народным. И дух князя, который, по словам древней летописи, «побеждал всех, но сам не был побежден никем и никогда», вновь защи-

щал Русскую землю, укрепляя народную решимость и волю к победе. Так же, как героически сражалась за Родину и созданная на средства Русской православной церкви эскадрилья боевых самолетов имени Александра Невского.

Однако, по сути, то была лишь краткая вспышка, живой, но краткий миг подлинного народного патриотизма, когда духовно обкраденной «т. Ярославскими» России позволили вспомнить о своем великом тысячелетнем прошлом. С окончанием войны 1941–1945 годов тема Невского практически опять оказалась заглушенной жесткими схемами исторического материализма. Вопрос о полководческом даре и, главное, о выдающейся прозорливости Александра Невского как политика с должной объективностью и широким привлечением источников изучался только в работах В.Т. Пашуто, Б.Я. Рамма, И.П. Шаскольского, В.В. Каргалова¹⁰. Но и эти по большей части сугубо научные издания до массового читателя почти не доходили. Так что, хотя в сознании многих наших людей и продолжали жить затверженные еще по школьному учебнику несколько дат, касающихся князя-победителя, но, к сожалению, они очень мало подкреплялись к о н к р е т н ы м знанием и пониманием того, с к е м, зачем и почему вел борьбу князь Александр

¹⁰ См. Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950; его же: Александр Невский и борьба русского народа за независимость в XIII веке. М., 1951; Рамм Б.Я. Папство и Русь. М., 1959. Шаскольский И.П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII веках. Ленинград, 1978. Каргалов В.В. Полководцы X–XVI вв. М., 1988.

Невский? Что отстоял он для Руси своими победами война и своей мудростью государя?

Потому-то и оказалось так легко сегодняшним идейным наследникам «т.т. Ярославских» и иже с ними опять заговорить о «проклятом самодержавии», о русских «царях-тиранах» и «попах-кровопийцах», с той лишь разницей, что, если в 20 – 30-е годы это делалось под видом «борьбы против религиозного дурмана и пережитков прошлого», то теперь с претензией на высокую научность определяется как «преодоление мифологизированного сознания». Но неизменной, как уже было сказано выше, осталась их главная потаенная цель. Цель – опорочить, оболгать историю России. Цель – на глубинно-психологическом уровне взорвать и уничтожить наш народ. И значит, если русские хотят выжить в этой жестокой схватке, нам необходимо защищать свое прошлое. Защищать свою историческую память и Веру, так же как защищали ее наши великие пращуры.

Итак, перелистаем еще раз шершавые страницы древнерусских летописей. Вчитаемся в готическую вязь средневековых европейских хроник. Откроем тома академических монографий. И пусть сама История ответит на вопрос, кем был Александр Ярославич Невский – Святым воином за землю Русскую или все же предателем-коллорационистом?..

Сначала – взгляд на Запад...

Глава I. Drang nach Osten

У истоков

Это далеко не простой вопрос – что представляла собой Европа к началу XIII века. Чем жила, во что верила и, наконец, к чему стремилась та самая «цивилизация», к которой попытался присоединиться, надеясь на ее защиту и помощь, князь Даниил Романович Галицкий, но с которой не пожелал вступить в политический союз князь Александр Ярославич Невский?

Как известно, в IV–V столетиях могучая некогда Римская империя распалась. Увы, пораженная, прежде всего, духовно-идеологическим кризисом, она не смогла выдержать натиска варваров. Ее не спас своими мудрыми реформами император Диоклетиан. Не спас ее и Константин Великий, перенесший столицу Империи из дряхлеющего старого Рима в «Рим новый» – Константинополь, основанный им в 325 году у берегов Босфора, на месте древнего греческого поселения Византии. Именно этому «новому Риму», столице Восточной части империи (Византии), суждено будет еще восемь веков хранить высокие державные и культурные традиции Древнего Рима, пока не придет час принять эти традиции

Риму Третьему – Москве. Тогда как Западная (собственно европейская) часть империи уже к VI веку полностью раздробится на множество полудиких варварских королевств, постоянно воюющих между собой.

Так что действительно довольно справедливо отмечал один из знаменитых философов: в наследство от погибшего античного мира Европа получила лишь несколько полуразрушенных городов и Христианство. К исходу первого тысячелетия нашей эры эта новая религия уже охватила своим влиянием почти все ее земли. Рим и Греция – два крупнейших региональных центра этой новоформирующейся и пока еще канонически единой религиозно-церковной структуры – вели проповедь Евангелия, каждый на своей территории, почти не соприкасаясь и не вступая в конфликт. Граница между ними проходила в основном по Балтийскому морю, р. Висле, Карпатам. Западная (римская) церковь включила в круг своего подчинения все романские и германские народности, а из славян – их западную группу: хорватов, чехов, поляков. Восточная (греческая) церковь несла Слово Божье славянам южным – болгарам, сербам и славянам восточным – русским. Между этими огромными (особенно для того времени) пространствами оставалась сравнительно небольшая область земель, еще не тронутая христианизацией. А именно земель, лежащих к востоку от берегов Балтики, между низовьями Вислы и Финским заливом. Они были заняты литовско-латышскими племенами, а также финским племенем

эстов. И так случится, что племена эти еще в течение двух столетий, вплоть до 1200 г., будут оставаться языческими. Приостановка христианской проповеди на этой небольшой полосе земли во многом объяснялась ее отдаленностью и почти полным отсутствием там дорог, торговых путей. С суши Восточная Прибалтика была совсем недоступна из-за непроходимых лесов. Что же касается самого Балтийского моря, то оно служило пока только для случайных пиратских нападений скандинавских викингов.

Но, очерчивая сию краткую схему распространения и постепенного утверждения христианства в Европе в качестве господствующей религии, нам необходимо не упустить главного обстоятельства этого очень сложного исторического процесса. А конкретно то, что если на Востоке христианская церковь изначально формировалась именно на принципе соборности, т. е. свободного, равноправного единения многих христианских митрополий, и соответственно решения всех наиболее важных вопросов вероисповедания и церковной жизни только путем совместного обсуждения на Вселенских соборах, то Западная (римская) церковь этот принцип с самого начала отвергла. Отвергла, претендуя исключительно на свое собственное главенство во всем христианском мире.

Эти претензии базировались в первую очередь на предвзятом использовании евангельских строк об апостоле Петре, которому Христос сказал: «Ты – Петр, и на сем камне (по-гречески Petros – petra – скала, камень – прим. авт.) Я создам

Церковь Мою, и ворота ада не одолеют ее» (Матф., гл. 16–18). Однако вскоре к этому добавилась и откровенная фальшивка «Константинова дара» – так называемой официальной грамоты, согласно которой император Константин Великий в знак благодарности «за наставление в истинной вере» и «исцеление от проказы» якобы передал римскому епископу – папе Сильвестру I – верховную власть над Западной частью Римской империи¹¹. Так что, отмечает исследователь Б.Я. Рамм, уже в выступлениях Льва I (440–461) папа прямо объявляется «наместником» апостола Петра на земле, и создаются догматические обоснования примата римского первосвященника над главами остальных христианских церквей. Причем, указывает тот же историк, с самого начала эти догматы стали подкрепляться такими весьма значительными реальными факторами, как приобретаемая римским духовенством земельная собственность¹². Западно-римская церковь быстро превращалась в богатейшего землевладельца, и именно на этом крепло ее не только духовное, но и светское могущество.

Могущество, которое в очень скором времени дало возможность римским первосвященникам посягнуть на самую

¹¹ Отдавая власть над Западом папе, Константин будто бы указывал, – цитирует текст «грамоты» исследователь С.Г. Лозинский, – что «несправедливо, чтобы земной император имел власть там, где небесный император учредил господство главы христианской религии». См. Лозинский С.Г. История папства. М., 1986. Стр. 56–57.

¹² Рамм Б.Я. Папство и Русь. М., 1959. Стр. 10.

концепцию власти. Ибо если на Востоке, в Византии (т. е. в Восточной части Римской империи), сам император являлся наместником Христа, а тем самым и главой всей христианской церкви (в том числе и римской епархии), то на Западе... На Западе уже с конца V века началась усиленная разработка идеи всемирной власти римского епископа. Например, папа Геласий I (492–496) заявлял, что «величие пап выше, чем величие государей, так как папы освящают государей, но сами не могут быть освящены ими»¹³.

Таким образом, теократические притязания римских понтификов, их стремление избавиться от любого подчинения светской власти, и в первую очередь власти константинопольского императора, становились все более ощутимыми. Так же, как все более явственной становилась политическая и духовная разобщенность между Восточной и Западной частями когда-то единой Империи. В реальной повседневной жизни это находило выражение, например, в том, что зимой элементарное почтовое сообщение между Римом и Константинополем почти прекращалось. Так что хотя римский епископ формально еще по-прежнему продолжал оставаться подданным константинопольского императора, но даже утверждение вновь избранного папы подолгу задерживалось. (Скажем, после выборов Целестина (422–432) прошло целых полтора года, пока Константинополь утвердил его избрание.) Наконец, стремительно забывался раннесредневе-

¹³ Там же.

ковым Западом сам греческий язык – его место занимала грубая латынь. И ни религиозные, ни философские учения Малой Азии уже не доходили до Рима, захлестываемого волнами нашествий варварских племен.

Особенно жаждал освободиться от подчинения Константинополю папа Григорий I (590–604). «С этой целью, – отмечает историк, – он подстрекал антиохийского и александрийского епископов к сопротивлению распоряжениям константинопольского патриарха». Доказывая, что титул «все-ленский» присвоен столичным патриархом незаконно, папа требовал от императора удалить из церкви этот «безбожный и гордый титул». В то же время он заявлял, что может существовать лишь титул «верховного епископа», на который законно претендует лишь один римский епископ, являющийся главой всей церкви в качестве прямого преемника апостола Петра¹⁴.

Иными словами, при Григории I папство уже открыто вступило в борьбу за собственное верховенство. Точно так же, как открыто был отвергнут папством существовавший в Византии высокий принцип именно равноправного взаимодействия церковной и светской властей. То единое в Духе взаимодействие императора и патриарха, которое получило глубокое философское определение «симфонии»... Но Запад, повторим, отверг пример Византии. И, пишет историк, «подобно отдельным светским феодалам, дравшимся

¹⁴ Лозинский С.Г. Указ. соч. Стр. 47.

между собою за власть, за богатство, за первенство, папство подрывает могущество светской власти и с ожесточением ополчается именно против равноправия двух сил, духовной и светской, которому не должно быть места там, где провозглашена «христианская республика», поглощающая, разумеется, государство. Ссылаясь на сочинения бл. Августина, Григорий I в обращении к императору говорил, что «земная власть служит небесной», что христианское государство должно быть прототипом идеального царства божьего (*civitas dei*). Изгнание из «божественного мирового порядка» «*двуглавого чудовища*» и подчинение всего христианского мира принципу единства только под эгидой Рима становятся со времен Григория I главной задачей папства»¹⁵.

Это все обостряющееся противоборство с Константинополем не остановила даже угроза захвата Рима лангобардами. Ненависть к Византии была столь велика, что папы считали за лучшее идти на переговоры с варварами, нежели просить военную помощь у императора. Так, Григорий II и Григорий III предпочли прямо откупиться, отправить очень крупные денежные суммы лангобардскому королю Лиутпранду (712–744) и даже уступить ему часть своей территории. Более того, за спиной Константинополя начались тайные дипломатические переговоры между Римом и Павией, лангобардской столицей. Но когда стало ясно, что плодами побед Рима над византийскими силами в Италии может вос-

¹⁵ Там же. Стр. 49.

пользоваться лангобардский король, то папа снова вступил в переговоры с Византией. Причем эти переговоры умышленно затягивались, ибо, пишет историк, Рим «мечтал о том, чтобы создать какую-либо третью силу, которую можно было бы поочередно направлять то на Византию, то на лангобардов, тем самым сохраняя свою собственную независимость». И «такой силой, – подчеркивает С.Г. Лозинский, – казалась папству франкская монархия»¹⁶. Окончательный политический разрыв Рима с Константинополем произошел в момент, когда папа Стефан III (752–757) сам отправился за Альпы, к франкскому королю Пиппину Короткому (741–768). Отправился просить у него помощи одновременно и от лангобардов, и от византийских императорских войск...

Стефан III не ошибся в своих расчетах на этого правителя-узурпатора¹⁷. Общим советом франкской аристократии в Керси на Уазе действительно было принято решение защитить «дело святого Петра и святой римской республики». Король Пиппин обещал своим войскам щедрые награды за участие в войне с лангобардами, и в 754 г. франки одержали победу. Одновременно папа, стремясь закрепить сей удачный союз, венчал Пиппина королевской короной и запретил франкам на будущие времена под страхом отлучения от

¹⁶ Там же. Стр. 53–54.

¹⁷ Еще в 751 году майордом Пиппин, будучи командующим королевскими войсками, сверг (лишив власти и отправив в монастырь) Хильдериха, последнего короля из династии Меровингов. Сам Пиппин Короткий благодаря этой узурпации стал основателем новой династии – Каролингов.

церкви выбирать королей из какой-либо другой семьи помимо той, «которая была возведена (на трон) божественным благочестием и посвящена по предстательству святых апостолов руками их наместника, суверенного первосвященника».

Отныне Пиппин был провозглашен «божьем избранником». И в ответ на это франкский король в 756 г. торжественно передал Стефану III отвоеванные у лангобардов земли. Территорию весьма значительную. В ее состав входили равенский экзархат (включавший в те времена также Венецию и Истрию), Пентаполис с пятью приморскими городами (ныне Анкона, Римини, Пезаро, Фано и Сенегалья), а также Парма, Реджио и Мантуя, герцогства Сполето и Беневент и, наконец, остров Корсика. Что касается Рима и его области, то он не был в руках лангобардов, не был, следовательно, отвоеван у них Пиппином, не мог быть «подарен» папе, а принадлежал империи. Тем не менее «Пиппинов дар» включал и Рим, который и стал теперь столицей нового Папского государства...

Понятно, что сей щедрый «дар» имел своеобразный характер. Фактически, указывает историк, «Пиппин давал то, что принадлежало не ему, а Византии: ведь Римская провинция со столицей не была завоевана ни лангобардами, ни франкским королем и продолжала формально оставаться по-прежнему во власти Константинополя. И если Пиппин давал то, что принадлежало другому, то папа получал то, че-

го брать вообще не имел права. Будучи подданным византийского императора и утвержденным им в качестве римского епископа, папа, отправившись к франкскому королю под предлогом защиты императорских интересов, на деле совершил прямую измену по отношению к своему государю и вступил на тот же грабительский путь, по которому шел Пиппин»¹⁸.

Так путем открытого предательства было создано Папское государство (или, как говорят иначе, Папская область). Так римский понтифик стал теперь уже не только церковным владыкой, но и светским государем. А вскоре этот политический разрыв между Римом и Константинополем довершится и великим Расколом Церкви – опять-таки по вине Запада. Дело произойдет следующим образом. Папа Лев IX потребует у императора, чтобы под его власть были отданы все южноитальянские земли, принадлежавшие дотоле Византии. И, как свидетельствует историк, византийский император Константин IV Мономах был готов на уступки. Но властным притязаниям папы воспрепятствовал патриарх Михаил Керулларий, в знак протеста закрывший в Константинополе все латинские храмы. Кроме того, в 1054 году он не пожелал вступить в переговоры с присланными папой послами, которые вели себя вызывающе резко. И тогда латинский посол Гумберт 16 июня 1054 г. прямо во время богослужения в соборе Св. Софии Константинополя (главном храме Визан-

¹⁸ Лозинский С.Г. Указ. соч. Стр. 55–56.

тии) положил на алтарный престол грамоту с папским проклятием патриарха¹⁹. Михаил немедленно созвал собор, ответствуя папе также анафемой. Так ранее канонически единое, живое древо Церкви разделилось на две ветви²⁰, и одна из этих ветвей – Западная – стала злейшим врагом своей Восточной (как елейно принято выражаться в католической богословской литературе) «церкви-сестры»...

Однако вернемся в Европу начала второго тысячелетия по Р.Х. Теперь, цепко пользуясь ее крайней феодальной раздробленностью, римский первосвященник, сам присвоив себе титул «духовного главы всего мира», стремительно начнет распространять свою юрисдикцию уже на всю Италию, Испанию, Францию, Германию, Северную Африку, выступая, как подчеркивает исследователь, «не только в качестве главы церкви по вопросам ее организации и управления, но и в качестве верховной светской власти, «именем бога» диктующей свои решения»²¹.

¹⁹ См. Гетте В. Папство как причина разделения церквей, или Рим в своих сношениях с Восточной церковью. Перевод с франц. К. Истомина. Харьков, 1895. См. также: Сюзюмов М.Я. «Разделение церквей» в 1054 году // Вопросы истории. 1956. № 8. Стр. 44.

²⁰ С 1054 года каждая из этих ветвей считала себя единственно правильной католической (т. е. вселенской) и ортодоксальной (правоверной, православной), а другую – еретической и отщепенческой. В просторечии за ними утвердились два названия: для первой – католическая, для второй – православная. Но подлинная апостольская преемственность, чистота христианского вероучения сохранена и сохраняется только в православии.

²¹ Рамм Б.Я. Указ. соч. Стр. 14.

Фактически это была попытка создания новой, всемирной «Христианской империи», единственным главой которой стал бы именно папа римский, как высший духовный сюзерен над всеми прочими светскими государями. Так, например, уже папа Николай I (858–867) открыто заявлял о своих правах участвовать в учреждении любой епархии, в любой стране, вторгаясь в установившиеся порядки феодального землевладения. Папа же Иоанн VIII в грамоте к императору Карлу Лысому прямо написал, что получением императорской короны тот обязан исключительно ему одному. И церковный собор в Павии подтвердил это заявление...²²

Особенную роль Западно-римская церковь стала играть именно около 1000 года. Тяжелые военные бедствия, мор и голод, обрушившиеся тогда на Европу, вызывали в народе веру в близкую кончину мира. И, пользуясь этими апокалипсическими настроениями, римское духовенство выступало с требованиями, чтобы люди приготовились к грядущему Страшному суду. Чтобы примирились, оставив взаимную злобу и вражду. Под влиянием этих проповедей начали собирать даже съезды духовных и светских лиц, на которых принимались торжественные обязательства соблюдать «Божий мир» (pax Dei). Принимались также решения «не посягать на церковь и монахов», «не грабить крестьян и купцов», заключались договоры о «вечном мире». Участники этих договоров давали клятву избегать войн и вооруженной

²² Там же.

силой останавливать тех, кто станет провоцировать междоусобицы. В 989 году синод, собравшийся в Пуату, на западе Франции, постановил, что нарушители мира будут подлежать отлучению от церкви и вечному проклятию. Впервые подобное «Божье перемирие» (*treuga Dei*) было заключено в 1040 году на синоде в Аквитании. Там решили приостанавливать военные действия каждую неделю, с вечера четверга и до понедельника, т. е. в те дни, которые посвящены памяти о страданиях и воскресении Спасителя, «так, чтобы всякий в эту пору без страха перед врагами своими, под охраной божьего мира, мог спокойно совершать свои дела». В Бургундии, на синоде в Монтре, к аквитанскому постановлению было добавлено, что войны также должны прекращаться на несколько дней для празднования Рождества и Пасхи.

Но, разумеется, это «миротворчество» было лишь внешним или, как сказали бы теперь, чисто пропагандистским, направленным на повышение авторитета Римской церкви. Реально она действовала совсем иначе. Например, папа Николай II (1059–1061), с подачи своего главного советника Гильдебранда, чтобы укрепить могущество «святейшего римского престола», заключил союз с... французскими норманнами. То есть с теми самыми воинственными скандинавскими викингими, которые своими разбойными набегами наводили ужас на всю тогдашнюю Европу. Которые, в IX веке осев на берегах Южной Франции, переняли местные обычаи и веру, но полностью сохранили свою прежнюю

неуемную страсть к далеким грабительским походам. Время от времени большими воинскими дружинами отправлялись они также на поклонение Гробу Господню в Палестину. Их промежуточной остановкой в этом направлении были прибрежные города Южной Италии. Еще в 1015 году отряд норманнских рыцарей, возвращаясь из Иерусалима, отстоял от нападения сарацин южноитальянский город Палермо. Эта благословенно теплая и богатая земля привлекла их возможностью обильной, разнообразной добычи, и они стали возвращаться туда вновь и вновь. Пользуясь там постоянными усобицами между лангобардскими баронами, а также ненавистью местного населения к господству византийцев, норманны укрепляли собственное влияние в этой стране. Обосновавшись в замках, которые были выстроены на торговых путях и близ приморских пристаней, они принялись вытеснять греков и подчинять лангобардов. Особенно отличилась на этом поприще семья (12 сыновей) небогатого норманнского рыцаря Танкреда Отвила. Старший из них, Гильом Железная Рука, захватил город Мельфи и провозгласил себя графом Апулии. Но всех братьев превзошел своей жестокостью Роберт, прозванный Гвискарором (лукавым). О его циничной хитрости ходили легенды. Однажды он даже, чтобы проникнуть в укрепленный город, притворился умершим, в его лагере поднялся громкий плач и стенания, его товарищи униженно стали просить горожан пропустить их с телом в городскую церковь, дабы совершить отпевание. Но едва гроб

внесли, из него выскочил Гискар, раздал мечи, спрятанные под покровом, и принудил жителей сдаться.

Вот с таким «благородным воином» не устыдился заключить союз римский понтифик. Более того, ссылаясь на пресловутый «Константинов дар», на «древнее право» папы распорядиться всей Италией, Николай II уступил норманнам завоеванную ими землю и признал вышеупомянутого Роберта Гвискара герцогом Апулии и Калабрии. В ответ норманны принесли папе вассальную присягу и обязались помогать Римской церкви «против всякого ее врага». Это было тем более важно для Рима как раз тогда, когда только что (1054 году) произошел его окончательный разрыв с Константинополем и Раскол Церкви.

Но подлинный характер «святейшего римского престола» и подлинные цели его договора с норманнами проявятся уже совсем скоро – в завоевании Англии. Ибо, как указывает историк, если раньше Римская церковь проповедовала мир, представляя себя как главную его хранительницу, то «теперь она, для поддержания собственного авторитета, заключила союз с пришлой вооруженной силой и освятила, таким образом, завоевания, совершенные этой силой». Иными словами, «провозвестники мира сами завели себе воинство и объявили законной войну во имя интересов церкви. Норманны стали ее любимыми сынами...»²³

²³ Виппер Р.Ю. История Средних веков. М., 1947. Стр. 188. Кстати, даже известнейший английский историк Арнольд Тойнби не может не признать в связи с

Итак, это тоже очень важно заметить нашему читателю: именно под покровительством Римской церкви совершили французские норманны еще одно, наиболее масштабное свое завоевание. Надо сказать, момент для этого был выбран весьма удачно. Еще в X столетии власть над туманным Альбионом отчасти захватили датчане. Там постоянно шла борьба между ними и представителями прежней англосаксонской королевской династии, что делало Англию практически беззащитной перед норманнским вторжением. Кроме того, английская церковь постепенно отделилась, вышла из подчинения Риму, и теперь римские политики надеялись при помощи норманнов восстановить над ней свой контроль. В 1066 году папа Александр II (1061–1073) в качестве благословения прислал герцогу Вильгельму Нормандскому специально освященное знамя для похода на Англию. Переправившееся через Ла-Манш войско Вильгельма было встречено близ Гастингса войсками короля Гарольда, выступившего на сей раз в союзе с датчанами. Но это английскому королю уже не помогло. Главную силу норманнов составляла конни-

этим: произошедшее в последующие века падение авторитета Римского престола объясняется именно «принесением в жертву духа во имя меча земного». Гильдебранд (впоследствии папа Григорий VII), «выбрав силу для борьбы с силой... он направил церковь против Мира, Плоти и дьявола во имя Града Божия, который он хотел создать на Земле... (Но) когда папство поддалось (таким образом) соблазну физического насилия, тогда и остальные папские добродетели быстро превратились в пороки, ибо замена духовного меча на материальный есть главная и роковая перемена, все другие – лишь следствие...» См. Тойнби А. Указ. соч. Стр. 341–342.

ца; рыцари были в шлемах и кольчугах, напирали длинными тяжелыми копьями. Противник же Вильгельма Гарольд выставил одних лишь пеших воинов; между ними только датская гвардия была в броне, англосаксы же – просто в шерстяных кафтанах, с секирами в руках. Некоторое время Гарольд держался в окопах, но, когда его выманили в чистое поле, норманнская конница раздавила его войска, а он сам был убит.

После этой битвы при Сенлаке королем Англии был провозглашен Вильгельм Нормандский, принявший гордое прозвание Завоеватель, и действительно, до конца дней своих оставался именно жестоким Завоевателем. Все попытки восстания он беспощадно подавлял. А чтобы господствовать над Лондоном, выстроил в середине города на берегу Темзы и поныне знаменитую своей ощетинившейся мрачностью крепость – Тауэр. Вся земля королевства была объявлена собственностью короля; значительную часть ее он оставил себе в качестве домена (коронного владения), часть отдал своим вассалам, и, наконец, огромные земельные пожалования получила церковь в лице епископов, капитулов, монастырей. Да, Вильгельм навсегда запомнил «пастырское благословение», присланное в 1066 году ему из Рима...

И все же наиболее знаменитым идеологом и исполнителем властных притязаний римских понтификов стал сменивший Александра II папа Григорий VII (Гильдебранд). Еще до момента своего избрания (1073 год), в течение 20 лет руково-

дя внешней политикой Римской церкви, как советник трех подряд предыдущих пап, он развил необычайно активную деятельность. Он учил, что «светская власть – от дьявола, духовная же – от Бога», а потому, чтобы изгнать дьявола и внести божественные начала в управление людьми, необходимо всю светскую власть подчинить духовной, всех государей – папе. И в соответствии с этим учением, отмечает историк, тогда не было короля в Европе, к которому Григорий VII не обратился бы с предложением стать под покровительство «святейшего престола» и принести вассальную присягу папе, подобно тому как сделали норманнские завоеватели. Точно так же, как ни в одной стране не упустил он случая потребовать взноса в пользу Римской церкви – так называемого «денария св. Петра»²⁴. Вот какую характеристику

²⁴ Показательны в этом отношении следующие факты деятельности папы Григория VII: упорно добиваясь полной покорности апостольскому престолу английского короля Вильгельма Завоевателя, папа писал ему: «Ты должен повиноваться мне без всяких колебаний, дабы ты мог унаследовать царство небесное». Он требовал от французского короля Филиппа I невмешательства в церковные дела. Папа, считал Григорий, своей властью волен ставить епископов во Франции. Если же король не подчинится, предостерегал он, «то французы, пораженные мечом анафемы, откажутся впредь повиноваться ему самому». Венгерскому королю Гейзе I папа заявлял, что «королевство венгерское принадлежит святому престолу». В Польше он отлучил от церкви Болеслава II. Испанию Григорий VII рассматривал как «вотчину св. Петра» (см. Лозинский С.Г. Указ. соч. Стр. 104–105.), что еще и еще раз доказывает: Григорий (Гильдебранд) «самым серьезным образом намеревался принудить всех «христианских королей» к ленной присяге, а следовательно, и к обязательным ежегодным взносам в папскую казну». (См. Заборов М.А. Крестовые походы. М., 1956. Стр. 32–33.) И Европа в целом подчинилась этому давлению. Длительным и напряженным, – подчеркивает тот же

дает ему известный исследователь Средневековья Р.Ю. Виппер: «Малый ростом, некрасивый, со слабым голосом, Григорий VII поражал своей необузданной воинственной энергией. Речь его была резкая и бурная; вместо «гнева Божьего» он говорил «ярость Господня»; он любил сравнивать орудия церкви с мечами и копьями. Был момент, когда он собирался лично встать во главе рыцарского ополчения и идти против неверных на освобождение Иерусалима. В терпении он видел не добродетель, а зло. Он низко ценил людей, сильные мира сего, государи и сеньоры, по его мнению, лишь соперничают в том, чтобы погубить церковь. Но на земле должна торжествовать справедливость, и во имя нее нет пощады и сострадания. *«Святой Петр, государь и властитель, первый после Бога, сломит своей железной силой все, что станет ему на дороге»*, – говорил Григорий. Главное основание мировой справедливости, считал неистовый понтифик, – безграничное господство Рима и папы; смиренными поездками в Рим должны все светские государи выказывать полную преданность ему. Церковные соборы – лишь свидетели деяний папы. Престол св. Петра может уничтожить силу любой присяги. Церковь – неизмеримо выше светской власти. Низжайший представитель церкви выше могущественного госу-

исследователь, – оказалось столкновение папства лишь с императорами «Священной Римской империи», вылившееся в многолетний конфликт различных феодальных группировок Германии и Италии (он известен в истории под не совсем точным названием «борьбы за инвеституру»). Борьба эта продолжалась и при преемниках Григория VII. (См. там же.)

даря. Папа – верховный правитель на свете, императоры и короли обязаны беспрекословно повиноваться ему как верные вассалы. Ибо только папа решает, кто истинный, законный государь; отлучаемый же им от церкви король – не король более; как пепел и солому развеет папа его силу по ветру...»²⁵ «Придите, святейшие и блаженные Петр и Павел, – восклицал Григорий VII, – дабы весь мир мог узнать и понять, что если вы можете вязать и решать на небе, то вы также можете делать это и на земле, сообразно с заслугами каждого человека, давать и отнимать империи, королевства, княжества, маркизаты, герцогства, графства и все, чем могут владеть люди»²⁶.

Таким образом, подчеркивает историк, именно со времен понтификата Григория VII (1073–1085) «начинается эпоха властной папской монархии, опирающейся на подчиненных чиновников-монахов и на собственные денежные средства. Во главе этого своеобразного государства в течение двух с лишним последующих веков (1073–1305) становятся даровитые, честолюбивые, беспощадные люди, крупные умы и характеры – Урбан II, Александр III, Иннокентий III, Григорий IX, Иннокентий IV, возобновляющие память о могущественных римских императорах (древности). Папы торжествуют не раз, опираясь на феодальное раздробление ев-

²⁵ Вишпер Р. Ю. Указ. соч. Стр. 191–192.

²⁶ Цитата по кн.: Лозинский С.Г. История папства. Стр. 105.

ропейских государств...»²⁷ Как метко выразился немецкий историк В. Норден, римские понтифики стали «цезарями в первосвященнических рясах»²⁸. Мировое господство, власть – вот что окончательно сделалось их главной и единственной целью.

Эта необычайно возвысившаяся власть Римской церкви над всем средневековым обществом с наибольшей наглядностью даст о себе знать в организации общеевропейских Крестовых походов сначала против «неверных», за отвоевание Гроба Господня в Палестину, на Ближний Восток, а затем и на Восток Европы – против славян. Причем, подчеркивает историк, «существенной, составной частью этой программы было стремление папства ликвидировать самостоятельность восточной, Греко-православной церкви»²⁹.

Несколько выше упоминалось, что уже Григорий VII собирался лично встать во главе рыцарского ополчения и идти против неверных. Он же был и первым непосредственным автором плана общекатолического завоевательного по-

²⁷ Виппер Р.Ю. Указ. соч. Стр. 192. Правда, именно Григорий VII (Гильдебранд) первым же и поплатился за свое мирское могущество, поддерживаемое военной силой норманнов. Когда-то, будучи еще только советником папы Николая II, Гильдебранд подал ему идею привлечь на службу Римской церкви эти разбойничьи отряды. Но сорок лет спустя, уже сам давно став папой, Гильдебранд умер в Салерно, в позорной ссылке, куда он вынужден был отправиться по одной простой причине: требуя повышения вознаграждения за свои «ратные подвиги», норманны захватили и зверски сожгли непосредственно сам Рим...

²⁸ Norden W. Papsttum und Byzanz. Berlin, 1903. S. 56.

²⁹ Заборов М. А. Крестовые походы. Стр. 34.

хода на Восток. Как пишет исследователь, «ближайшая цель его состояла в том, чтобы, поставив греческую церковь под начало апостольского престола, проложить дорогу к подчинению папскому престолу и самой Византийской империи. Это значительно расширило бы материальные ресурсы Римско-католической церкви и облегчило бы папству осуществление его универсалистской программы на Западе, особенно в отношении «Священной Римской империи»³⁰.

Для проведения в жизнь этих широких экспансионистских замыслов папство воспользовалось переменами в международной обстановке, которые произошли к началу 70-х годов XI столетия и крайне тяжело отразились на положении Византии. Дело было в том, что к этому времени наследница Римской империи на Востоке уже давно утратила многие из своих прежних владений. Отныне территориальную основу Византийской империи составляли Балканы и Малая Азия. Но и эти владения Византии становились все более уязвимыми и непрочными. В то же время крупные византийские города еще играли важную роль в средиземноморской торговле. (В особенности это касалось ее столицы – богатейшего Константинополя.) В середине XI века владения Византии начали тревожить тюркские кочевники – печенеги, захватившие тогда огромное степное пространство на юге Восточной Европы – от северных берегов Нижнего Дуная до Днепра и далее, к востоку от него. С 1048 года печенежские

³⁰ Там же.

ханы стали совершать частые набеги на византийскую территорию: так же как это происходило на Руси, печенеги опустошали земли Болгарии, Македонии, Фракии, доходили до Адрианополя и угрожали самому Константинополю³¹. Когда же в начале 50-х годов эта опасность миновала, – Византии удалось отвоевать пределы Фракии и Македонии от печенегов, – их сменили нашествия уже других степных кочевников – половцев.

Однако еще более грозным и разрушительным оказался для Византии натиск тюркских кочевых племен, явившихся с востока, из Средней Азии. Это были турки-сельджуки. В 40-х годах они овладели южнокаспийскими областями, Западным и Центральным Ираном, а в 1055 году, покорив Месопотамию, заняли Багдад – столицу некогда могущественного халифата Аббасидов. Завоевания сельджуков на этом не кончились. В правление султана Алп-Арслана (1063–1072) сельджуки вторглись в Армению, большая часть которой находилась тогда под властью Византии. Они воевали с Грузией и во все большем количестве проникали непосредственно в византийские провинции Малой Азии – Каппадокию и во Фригию³². В Византии началась паника. Военная опасность со стороны сельджуков дала перевес в междоусобном противостоянии феодальных группировок малоазиатским динамам – «военной партии». Корону

³¹ Васильевский В.Г. Труды. Том I. СПб., 1908. Стр. 1 – 174.

³² Успенский Ф.И. История Византийской империи. Том III. М., 1946. Стр. 88.

императора захватил выдающийся военачальник Роман IV Диоген (1068–1071). Он попытался остановить наступление сельджуков³³. Но, к сожалению, в этот критический для Византийской империи момент ее феодальная элита не посчиталась с общегосударственными интересами и нуждами. При императорском дворе возник заговор. Разведка специально сообщала ложные сведения о неприятеле. Командиры войска были деморализованы, дисциплина среди солдат подорвана. В 1071 году в битве с сельджуками при Маназкерт – севернее озера Ван в Армении – византийские войска потерпели страшное поражение. Император Роман IV попал в плен. А тем временем на престоле в Константинополе немедленно утвердился ставленник столичной знати – Михаил VII Дука. Византийцы отказались даже внести выкуп за плененного императора. Он был отпущен Алп-Арсланом на слово, но по возвращении Романа IV в Византию приближенные нового венценосца схватили его и, ослепив, по византийскому обычаю, заточили в крепость³⁴.

Это катастрофическое поражение «имело важное значение не для одной Византии, но и для всего христианского мира. Для сельджуков теперь открывался свободный путь к Мраморному морю и Босфору, они могли без особых затруднений осадить Константинополь»³⁵. Империя потеряла свои

³³ Там же. Стр. 90, 94, 97.

³⁴ Там же. Стр. 96.

³⁵ Успенский Ф. И. История Крестовых походов. СПб., 2000. Стр. 18.

богатейшие малоазиатские провинции; ей удалось удержать за собой лишь немногие прибрежные города на западе полуострова. Как писал позднее историк, из окон императорского дворца в Константинополе теперь можно было видеть на востоке горы, которые уже не принадлежали империи. Таким образом, одна часть Византии оказалась захваченной сельджуками, другая же находилась в состоянии полнейшей анархии, кризиса власти. Феодалная знать то и дело поднимала мятежи против Константинополя, выдвигая своих ставленников на императорский престол, а государство в целом безудержно дробилось на мелкие, полусамостоятельные феодалные владения.

Всеми этими трагическими для Византии обстоятельствами и поспешил воспользоваться римский понтифик Григорий VII для того, чтобы заставить целиком подчиниться греческую империю и Церковь власти Рима. «Обессиленная в борьбе с сельджуками, ослабленная изнутри, Византия, – пишет исследователь, – казалась ему легкой добычей»³⁶.

Прежде всего святейший отец использовал средства скрытого дипломатического давления. В 1073 году он вступил в переговоры с Михаилом VII Дукой о том, чтобы «возобновить древнее, богом установленное согласие между Римской и Константинопольской церквями». Тем самым, подчеркивает исследователь, папа хотел навязать Византии церковную унию на условиях полного подчинения Греческой Церк-

³⁶ Заборов М.А. Указ. соч. Стр. 36.

ви Риму. Однако непомерные требования Григория, выдвинутые им во время переговоров, натолкнулись на оппозицию в Константинополе. Вот тогда-то у папы и возникла мысль добиться своих целей вооруженной силой. Он задумал организовать военный поход в сторону Византии, *скрыв свои истинные цели под лозунгами защиты христианской веры и помощи грекам против мусульман-сельджуков*»³⁷. (Подчеркнуто нами. – Авт.) Именно это как нельзя ярко свидетельствует, что «благочестивые цели» замышляемого «похода на Восток» изначально служили только идеологическим прикрытием для жестко-экспансионистской политики католического Рима. Что не «спасти восточное христианство», а прежде всего, именно «вернуть Греческую церковь «в лоно» Римской, иначе говоря, – овладеть богатствами Греко-православной церкви, расширить сферу влияния католицизма за счет Византии, насильственным путем включив ее в орбиту папского воздействия, – таковы были планы Григория VII»³⁸.

Понтифик спешил. Уже буквально лишь несколько месяцев спустя после начала переговоров с византийским императором он обратится с посланием к графу Гийому I Бургундскому, затем к немецкому императору Генриху IV (своему будущему заклятому врагу), к маркграфине Матильде Тосканской, наконец «ко всем верным святого Петра» – с

³⁷ Там же. Стр. 36–37.

³⁸ Там же.

призывом принять участие в задуманной им войне на Востоке. С потрясающим лицемерием папа будет звать «выручить» восточную церковь из беды и не поскупится на обещания небесного воздаяния тем, кто даст согласие воевать с «неверными». «Бейтесь смело, – увещевал свою паству «духовный лидер» (как сказали бы теперь) Западной «цивилизации», – чтобы снискать в небесах славу, которая превзойдет все ваши ожидания. Вам представляется случай малым трудом приобрести вечное блаженство». И очень возможно, полагают исследователи, что призыв этот был услышан, так как сам папа в конце 1074 года уверял императора Генриха IV, что ему удалось уже собрать армию свыше 50 тысяч человек итальянцев и французов³⁹.

Понятно, что Григорий VII придавал задуманному им походу чрезвычайное значение. В своих письмах он не уставал повторять, что лично желает встать во главе войска западных христиан и «отправиться за море», чтобы «спасти братьев по вере», «христиан-греков». Мечтал, впрочем, папа не только об «освобождении» Константинополя. Если, указывает историк, опять же судить по письмам понтифика к императору Генриху IV, мечтал он также и о том, чтобы выступить «вооруженной рукой против врага Господа и под собственным его (Бога) водительством дойти до Гроба Господня», т. е. до Иерусалима. «Такой проект, – пишет тот же исследователь, – должен был встретить благосклонное отноше-

³⁹ Заборов М.А. Крестовые походы. Стр. 38.

ние у рыцарства и в крестьянской массе Запада среди тех слоев, которые, с санкции папства, уже до этого выступали под религиозным флагом против арабов в Испании. «Я верю, – писал папа Матильде Тосканской, – что в этом нам окажут содействие многие рыцари»⁴⁰.

Только, подчеркивает историк, неотложные дела на Западе (конкретно – противостояние с Генрихом IV) все же надолго отвлекли его от Византии, так и не позволив осуществить ее захват, хотя Григорий еще не раз порывался к этому. Например, Рим немедленно попытался воспользоваться обстановкой междуцарствия, когда после свержения императора Михаила Дуки Византию вновь охватила ожесточенная политическая борьба. Папа благословил на войну против итальянских владений империи уже известного читателю Роберта Гвискара и, кроме того, призвал католическое духовенство Южной Италии поддержать его наступление, обещая за это прощение всех грехов. Уже в 1081 году норманны вторглись на Балканский полуостров, захватили морскую крепость Диррахий (в Эпире, Албания) и проникли в глубь страны⁴¹. Причем жителей каждого из захваченных населенных пунктов норманны заставляли принимать католицизм.

«Но надо отметить, что новый византийский император Алексей I Комнин (1081–1118) как мог сопротивлялся этой агрессии. Он пустил в ход все средства – и оружие, и хит-

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Успенский Ф.И. История Византийской империи. Том. III. Стр. 101–103.

роумную византийскую дипломатию, – пишет историк. – В частности, император заручился поддержкой врага папы Генриха IV, и немецкие войска вступили в Италию. В это же время Византия использовала помощь Венецианской Республики, испытывавшей опасения за свою торговлю в Адриатике, поскольку ее пути то и дело перерезали норманны. Наконец, не обошлось и без подкупов среди самого норманнского войска, особенно в Италии. Из-за угрозы нападения немцев с тыла Роберт Гвискар прекратил свой поход. После его смерти в 1085 году земли, захваченные норманнами на Балканах, острова и гавани на Адриатике были отвоеваны Византией с помощью венецианского флота. Правда, венецианцы потребовали большого вознаграждения: им были предоставлены огромные привилегии – беспошлинная торговля во всех городах Византии, свобода от контроля таможенных чиновников в греческих портах, и вдобавок к этому – жалованье венецианскому дожу от византийской казны»⁴².

«Благочестивое» дело Григория VII суждено было с успехом продолжить его не менее известному преемнику – папе Урбану II (1042–1099), в миру – Одону де Лажери, французу по происхождению. «Умный, красноречивый, осторожный, он примирился с западными монархами, создал огромный авторитет папству и продолжал борьбу только с императором

⁴² Заборов М.А. Крестовые походы. Стр. 44–45. См. также: Соколов И. Восточная политика Венецианской плутократии в XII веке. // Ученые записки Горьковского государственного университета. Серия История. Выпуск XVIII. Горький, 1950. Стр. 128.

Генрихом IV. Именно папа Урбан II стал отцом-вдохновителем Первого крестового похода, после того как произнес на Клермонском церковном соборе 1095 года свою знаменитую речь, в которой призвал поддержать византийского императора Алексея I Комнина и освободить Константинополь»⁴³.

И снова, разумеется, как всегда было свойственно Римской церкви, в этом «предприятии» она учитывала не только духовный, но и материальный интерес. Ее беспокоил не столько вопрос о «защите христиан» от нападений «неверных», сколько покорение новой паствы, приобретение новых земель. Это было тем более существенно, что тогда Европа, пишет историк, буквально «кишела мелкими князьками, вассальными рыцарями, которые теряли почву под ногами ввиду усиления крупных феодалов, захватывавших их земельные владения. Бывшие ранее почти самостоятельными хозяевами, мелкие феодалы мечтали о возвращении утраченных владений, своей независимости и рады были добыть их, хотя бы и на далеком Востоке. Эти разорившиеся и терявшие свободу люди охотно откликнулись на зов папы римского идти воевать ради «спасения христианства» от ислама. За рыцарями готовы были потянуться и крестьяне, терпевшие от неимоверной эксплуатации, усугублявшейся к тому же бесконечными феодальными междоусобицами. Наконец, самое важное, крестоносцы, владевшие землей, отдавали свои «осиротевшие» имения «под опеку» церкви вплоть до «бла-

⁴³ Успенский Ф.И. История Крестовых походов. Стр. 87.

гополучного возвращения из похода», и эта «временная» отдача приобрела тем более широкий размах, что уходившие в поход феодалы в противном случае рисковали увидеть свои участки захваченными более крупными землевладельцами, остававшимися в Европе. Отдать церкви – означало при таких обстоятельствах защитить «осиротелую» землю от рук соперника с надеждой получить ее обратно при возвращении с войны. Таким образом, церковь за годы Крестовых походов накопила колоссальные земельные богатства, которые фактически остались в ее руках, так как крестоносцы редко возвращались благополучно обратно. Мало того, даже возвращавшиеся далеко не всегда могли вступить во владение своими участками, так как за время их отсутствия эти участки в качестве выморочных полностью переходили во владение церкви»⁴⁴

⁴⁴ Лозинский С.Г. Указ. соч. Стр. 108.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.